

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ

XIII ВѢКА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПРОФЕССОРА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО,

дѣйств. члена Императорскаго Археологическаго Общества,

съ приложеніемъ

ЗАМѢЧАНІЙ

ПРОФЕССОРА К. А. НЕВОЛИНА.

(Отпечатано изъ III тома *Записокъ Импер. Археологическаго Общества.*)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

1851.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 24 ноября 1851 г.

Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

сє порадиса · тѣшата · съꙗ́кꙑмомь ·
просіклаДьство · проперво́ѥ · и прозада
нєѥ · инадѣвцѣ · ꙗкꙑма · сєрєбро вза
ла · а мониста · тѣшатина · у ꙗкꙑмо
въ жєнꙑ · свобоДна · тѣшатѣ · взати ·
и рощєта · оучинила · промєжи сєбѣ · а
болѣнє на добѣ · ꙗкꙑмꙋ · тѣшата · ні
тѣшатѣ · ꙗкꙑмъ · а на томь · послуси ·
два · попа · дорожка · домославъ ·
вѣкошкꙑнъ · боꙗнъ · кузма · лоикови
чь · жидило · жикновичь · иванъ · смо
лнанинъ · а кто си ирадъ · пєрєстꙋпи
та · ꙗкꙑмъ ли · тѣшата ли · тота дасть
р҃ · гр(в)н · сєрєбра · а писалъ · дєвмонтовъ
писєць ⁘

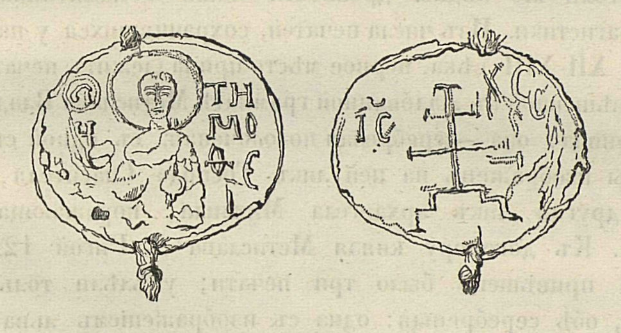
РЯДНАЯ ЗАПИСЬ СЪ ПЕЧАТЬЮ,

XIII ВѢКА.

—

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

—

Какъ мало подлинныхъ граммат осталось намъ на память о XII-XIII вѣкѣ нашей Руси, знаетъ съ сожалѣніемъ всякій, кто не чуждъ любви къ отечественнымъ древностямъ. Отъ первой половины XII вѣка сохранилась только одна жалованная граммата князей Мстислава Владиміровича и сына его Юрьеву монастырю (1128-1132 г.); отъ второй половины XII вѣка также только одна вкладная граммата Варлаама монастырю Хутынскому (послѣ 1192 г.); отъ первой половины XIII вѣка два противня договорной гpамматы (1228-1229 г.) князя Мстислава Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ; отъ второй половины XIII вѣка семь граммат: три договорныя гpамматы тверскаго

князя Ярослава съ Новгородомъ (1265-1270), одна договорная граммата князя смоленскаго Ѳедора съ Ригою (1284 г.), одна проѣзжая граммата новгородская ганзейскимъ купцамъ (послѣ 1294 г.), и двѣ договорныя грамматы князя тверскаго Михаила съ Новгородомъ (1295 г.). Всего-на-все десять грамматъ. Если къ этому прибавить и тѣ грамматы, которыя уцѣлѣли отъ этого времени въ спискахъ позднѣйшихъ, то и тогда цифра увеличится только вдвое.

Столь же бѣдны древности наши и памятниками сфрагистики. Изъ числа печатей, сохранившихся у насъ отъ XII-XIII вѣка, первое мѣсто принадлежитъ печати, привѣшенной къ жалованной грамматѣ Мстислава Владиміровича: она—серебреная позолоченая; съ одной стороны изображенъ на ней ликъ Господа Спасителя, а съ другой ликъ архангела Михаила, поражающаго змія. Къ договору князя Мстислава съ Ригой 1229 года привѣшено было три печати; уцѣлѣли только двѣ, обѣ серебреныя: одна съ изображеніемъ льва и съ надписью: великого кнѧз. ѳео҇до. . печат., а другая съ надписями: вла҇к· смолен҇ско и пч҇та крс҇т. При договорныхъ грамматахъ Ярослава Тверскаго 1268 года были печати, но не сохранились. При договорной грамматѣ того же князя 1270 года, изъ трехъ печатей уцѣлѣла одна свинцовая съ изображеніями ликовъ, которыя, говорятъ, разобрать трудно. У грамматы Михаила Ярославича 1295 года печать серебряная вызолоченая съ изображеніемъ ликовъ архангела Михаила и св. Николая. Къ проѣзжей грамматѣ новгородской привѣшены три свинцовыя печати: одна съ ликомъ св. евангелиста Матѳія, какъ показываютъ и буквы мт҇ѳ, и съ надписью: тысѧцкого пецат.; другая съ надписями:

смєнова пєчать и климовича; третья съ почти истершимися изображеніями чьихъ-то ликовъ.*

При такой бѣдности древнихъ русскихъ актовъ и печатей, каждая новая находка въ этомъ родѣ есть драгоцѣнность, за открытіе которой счастливый археологъ достоинъ полной хвалы и благодарности. Не откажетъ, слѣдовательно, никто въ хвалѣ и благодарности и нашему ученому археологу К. Э. Наперскому за пергаминную граммату, недавно имъ найденную въ рижскомъ городовомъ архивѣ и обнародованную въ «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ (Bulletin de la classe des sciences historiques etc. 1850, tome VIII, № 11). Эта граммата безспорно принадлежитъ къ XIII вѣку и очень замѣчательна какъ потому, что она представляетъ собою образецъ обязательства между частными людьми, древнѣйшій изъ всѣхъ доселѣ найденныхъ, такъ и потому, что привѣшенная къ ней печать есть единственная въ своемъ родѣ.

Эта важная находка Г. Наперскаго, какъ памятникъ, достойный изученія, предложена была мною вниманію Императорскаго Археологическаго Общества въ засѣданіи 12 марта 1851 года**, и въ-слѣдствіе сомнѣній, явившихся отчасти при разборѣ ея содержанія и значенія, отчасти при разсмотрѣніи снимка съ печати, изданнаго при «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ, предназначена была къ изданію въ «Запискахъ Археологическаго Обще-

* Передавая свѣдѣнія о древнихъ русскихъ печатяхъ пока по описаніямъ, сдѣланнымъ другими, или по снимкамъ, за которыхъ отчетливость поручиться нельзя, я позволяю себѣ выразить надежду представить въ-послѣдствіи описаніе всѣхъ древнихъ русскихъ печатей обстоятельнѣе и подробнѣе.

** См. Перечень засѣданій Общества за 1851 годъ, стр. 55.

ства» въ вѣрномъ снимкѣ съ текста и съ печати и съ тѣми примѣчаніями, которыя найдутся необходимыми для ея объясненія. Принять на себя эту обязанность было для меня тѣмъ пріятнѣе, что этотъ памятникъ важенъ для меня какъ образецъ нашего древняго языка, и тѣмъ легче, что я могъ надѣяться какъ на содѣйствіе почтенныхъ сочленовъ Общества, занимающихся древностями русскими, такъ особенно на содѣйствіе нашего ученаго секретаря, П. С. Савельева, взявшаго на себя трудъ изготовленія вѣрнаго снимка съ текста граммата и съ печати.

Текстъ грамматы писанъ такимъ четкимъ уставомъ и такъ правильно, что его чтеніе не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей. Тѣмъ не менѣе отсутствіе знаковъ препинанія, кромѣ точекъ, которыя употреблялись въ древнее и даже не въ древнее время не столько для уясненія смысла, сколько для отдѣленія словъ, и кромѣ того соединеніе словъ служебныхъ съ главными даютъ возможность понимать смыслъ выраженій нѣсколько различно или даже иногда и совсѣмъ мѣшаютъ его пониманію. Поэтому необходимо дополнительное чтеніе съ разстановкою знаковъ препинанія. Представляю такое чтеніе современными русскими буквами, сохраняя впрочемъ вполнѣ правописаніе подлинника — строка въ строку, на сколько дозволяютъ это наши правила переноса словъ.*

---

* Сравнивъ со снимкомъ, читатель замѣтитъ, что я отступилъ отъ подстрочнаго порядка только въ томъ, что оставилъ не перенеся, какъ въ подлинникѣ, на слѣдующую строку слѣдующихъ буквъ: на строкѣ 3й *лъ* въ словѣ *взялъ*, на 10й *чь* слова *Лойковичь*, на 11й *л* слова *Смолнянинъ*, и на 12й *ть* слова *переступить*.

Се порядися Тѣшата съ Якымомъ про складьство про первоіе и про задьнеіе. И на дѣвцѣ Якымъ серебро взялъ. А мониста Тѣшатина у Якымовы жены свободна Тѣшатѣ взяти. И рощетъ оучинила промежи себе; а болѣ не надобѣ Якыму Тѣшята, ні Тѣшятѣ Якымъ. А на томъ послуси: Д͠вдъ * попъ, Дорожка Домославъ, Вѣкошкинъ Боянъ, Кузма Лойковичь, Жидило Жихновичь, Иванъ Смолнянинъ. А кто сий рядъ переступить, Якымъ ли, Тѣшята ли, тотъ дасть р͠ грив ** серебра. Апсалъ Довмонтовъ писецъ. ***

Судя по переводу этой грамматы, представленному Г. Наперскимъ, онъ читалъ ее не совсѣмъ такъ. Вотъ его переводъ:

Es kam überein Teschata mit Jakim wegen eines Schmuckes (bestehend aus) Vorder-und Hinter-Theil u...(?) **** Jakim empfing das Silber, und der Schmuck gehört Teschata zu, der ihn von der Frau des Jakim nehmen kann. Auch haben sie sich beide unter sich berechnet, und weiter bedarf einer des andern nicht, weder Jakim den Teschata, noch Teschata

---

* Давыдъ.

** Сто гривенъ.

*** При наборѣ этихъ строкъ русскими буквами, замѣнены: Ю въ словахъ *Якымъ* и *Боянъ*) буквою *я*; Ѧ (въ словахъ: пор*я*дис*я*, Тѣш*я*та, вз*я*лъ, вз*я*ти, Смолн*я*нинъ, р*я*дъ) тою же *я*; Ы буквою *и*, и конечное Ѥ (въ словахъ: перво*іе*, задьне*іе*) буквами *іе*.

**** Vielleicht: Umchlag, Ueberzug.

den Jakim. Darüber waren Zeugen der Pop David, Doroshka Domoslav, Wekoschkin Bojan, Kusma Loikowitsch, Shidilo Shichnowitch, Iwan von Smolensk. Wer diese Abmachung übertritt, sei's Jakim, sei's Teschata, der zahlt 100 Griwen Silber. Geschrieben hat's Dowmont's Schreiber.»

По-русски это будетъ:

«Условились Тѣшата и Якимъ объ украшеніи, (состоящемъ изъ) передней и задней части, и. . . Якимъ получилъ деньги, а монисто принадлежитъ Тѣшатѣ, который и можетъ его взять отъ жены Якима. Оба они расчитались между собою, и болѣе другъ другу не нужны, ни Якимъ Тѣшатѣ, ни Тѣшата Якиму. Этому были свидѣтели: попъ Давидъ и пр. Кто этотъ договоръ нарушитъ, Якимъ или Тѣшата, тотъ платитъ 100 гривенъ серебра. Писалъ это писецъ Довмонта.»

Не касаясь вопроса о вѣрности перевода, я позволю себѣ замѣтить пока, что разстановка знаковъ въ немъ кажется мнѣ неправильною, а именно въ слѣдующихъ пунктахъ:

Выраженіе *и надѣвцѣ*, на 3-ей строкѣ, окруженное точками, отнесено къ предъидущей фразѣ, какъ ея часть, такъ что слѣдующая за нею фраза должна уже начаться со слова *Якымъ*. Это не правильно, потому-что, за отдѣленіемъ союза *и*, какъ ни понимать *надѣвцѣ*, косвеннымъ ли падежемъ слова *надѣвка* или какъ-нибудь иначе, его никакъ нельзя грамматически привязать ни къ управляющему глаголу *порядися*, ни къ чему другому. *Се порядися Тѣшата съ Якымомъ про складьство про первоіе и про задьнеіе* есть предложеніе оконченное. Слѣдующій за тѣмъ союзъ *и* есть начало новаго предложенія: *и на дѣвцѣ Якымъ серебро взялъ*, гдѣ управляющему глаголу *взялъ*, кромѣ прямаго дополненія *серебро*, относится и еще одно, именно *на дѣвцѣ*,

въ дательномъ падежѣ, если считать это слово дательнымъ падежемъ отъ *надѣвка*, или въ предложномъ, если считать его предложнымъ отъ *дѣвка*, съ предпоставленнымъ предлогомъ *на*.

Въ-слѣдъ за выраженіемъ: *а на томъ послуси*, высчитываются свидѣтели, бывшіе при совершеніи контракта: *Давидъ попъ* и пр. Въ переводѣ Г. Наперскаго отдѣлено ихъ восемь. Почему именно восемь, основанія не видно. Если основываться на точкахъ подлинника, то надо насчитать ихъ двѣнадцать; если же къ каждому имени отнести еще другое прозвище или званіе, или по происхожденію, или по чему-нибудь подобному, то будетъ только шесть. При имени *Давидъ* есть званіе: *попъ; Дорожка* есть прозваніе Домослава; *Вѣкошкинъ* фамильное имя Бояна; *Лойковичъ* фамильное имя Кузьмы; *Жихновичъ* фамильное имя Жидила; *Смолнянинъ* прозвище Ивана по мѣсту его родины.

Въ дополненіе къ этимъ замѣчаніямъ, для оправданія чтенія, принятаго мною, я долженъ прибавить, что не находя возможнымъ читать *надѣвкѣ* какъ одно слово, потому-что ни этого слова, ни ему подобнаго, въ томъ смыслѣ, какой можетъ быть здѣсь ожидаемъ въ памятникахъ русскаго языка нѣтъ, я отдѣлилъ *на*, какъ предлогъ, отъ *дѣвкѣ*, какъ существительнаго въ мѣстномъ падежѣ, и этимъ облегчилъ для себя разумѣніе смысла. *Взять серебро на комъ* или *на чемъ*— выраженіе, довольно обычное въ древнемъ русскомъ языкѣ и всегда употребляется въ одномъ и томъ же значеніи, какъ читатель увидитъ изъ послѣдующихъ объясненій.

Считая это достаточнымъ для оправданія чтенія, я остановлюсь, слѣдуя этому чтенію, на тѣхъ частяхъ

грамматы, которыя болѣе другихъ могутъ затруднять разумѣніе ея содержанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представлю оправданія, на основаніи которыхъ надобно допустить нѣкоторыя измѣненія въ переводѣ, сдѣланномъ Г. Наперскимъ.

1. Се порядиса тѣшата съ іакъімомъ про складьство про первоіе и про задьнеіе.

Подъ выраженіемъ *складьство первоіе и задьнеіе* Г. Наперскій понималъ ein Schmuck bestehend aus Vorder- und Hintertheil (украшеніе, состоящее изъ передней и задней части), и именно Hals-oder Brust-Schmuck (ожерелье, или что-либо подобное), т. е. ту же вещь, которая ниже въ грамматѣ названа *мониста*. Противъ этого я позволю себѣ сказать, что если бы слово *складьство* и могло значить ожерелье, или что-нибудь въ этомъ родѣ, подобно тому какъ *складень* значитъ складной образокъ, носимый на шеѣ, а *складво* у Хорватовъ истріанскихъ значитъ браслетъ, то все же слово *первоіе*, въ значеніи «переднее», не можетъ быть относимо къ предметамъ, подобнымъ ожерелью, складню, браслету и т. д.

Слово *первый*, кромѣ того смысла въ которомъ остается до сихъ поръ, изстари употреблялось у насъ въ смыслѣ «прежній, предъидущій», а равно и «прошедшій, старинный, древній». Въ лѣтописи Нестора въ самомъ началѣ стоитъ это слово два раза: «Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду іесть пошла Русьская земля, кто въ Кыіевѣ нача *первѣе* княжити и откуду Русьская земля стала іесть. Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ *первиіе* сынове Ноіеви раздѣлиша землю». Въ-слѣдъ за этимъ началомъ, и Несторъ и другіе лѣтописцы наши употребляютъ это слово въ томъ же смыслѣ довольно часто.

Такъ напр. подъ 945 годомъ, въ предисловіи къ договору Игоря съ Греками, говорится: «присла Романъ... слы къ Игореви построити мира *переаго.*» Такъ и подъ 1094 годомъ, упоминая о налетѣ саранчи, лѣтописецъ замѣтилъ: «и не бѣ сего слышано въ д҆нехъ *первыхъ* въ земли Русьстѣй, яже видѣста очи наши за грѣхи наши.» Такъ и подъ 1106 годомъ, говоря о смерти старца Яна, лѣтописецъ замѣтилъ, что Янъ «живъ по закону Божію, не хужи бѣ *первыхъ* праведникъ.» Такъ и въ поученіи Владиміра Мономаха читаемъ: «И сему ся подивуіемы. Како птица небесныя изъ ирья идут. и *первѣе* на шируцѣ, и не ставятся на одинои земли, но и силныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля.»* Въ такомъ же смыслѣ точно какъ и *прежнии*, употреблялось и слово *передьнии*: «тоіе же зимы даша Изяславу Туровъ и Пиньскъ къ Мѣньску: то бо бяшеть его осталося *передьнѣ* волости его.»

Слово *задьнии* значило и значитъ также «прежній, прошедшій»: такъ мы часто употребляемъ выраженіе з а д н е е ч и с л о въ смыслѣ «прошедшій, предъидущій день»; но оно употреблялось и въ томъ смыслѣ, какъ «послѣдующій». Слово это *задnии* происходитъ отъ

* Выраженіе *нашируцѣ*, въ подлинникѣ написанное слитно, обыкновенно читаютъ такъ: «наши руцѣ». Мнѣ кажется такое чтеніе невѣрнымъ, столько же какъ и не умѣстнымъ, ни на сколько не помогающимъ понять хоть въ половину смыслъ другихъ выраженій. По моему мнѣнію, надобно читать: *на шируцѣ*, гдѣ «шируцѣ» есть предложный падежъ отъ слова *ширукъ*, *шируко* или *ширука*, теперь выговаримаго сирокко или широкко. На шируцѣ значитъ «на вѣтрѣ, по вѣтру».

сложнаго предлога *задъ* [*за*+*дъ*, такъ же какъ *на*+*дъ*=надъ, *по*+*дъ*=подъ, *прѣ* (или пере)+*дъ*=*прѣдъ*=передъ, ипр.] Предлоги *предъ*=передъ, и *задъ*, по смыслу противуположны. *Задъ его*—за нимъ (Лл. 149), *задъ* дружины—за дружиной (Лл. 159), *задъ* тѣла—за тѣломъ (П. М. Ник. 68). Такъ противоположны должны быть и прилагательныя, отъ нихъ произведенныя,—и какъ *передьнии* или *прежьнии* значитъ «тотъ, который былъ, есть или будетъ или впереди, или прежде», предъидущій, такъ и *задьнии* значитъ «тотъ, который былъ, есть или будетъ сзади или послѣ», послѣдовавшій, послѣдующій. При такомъ смыслѣ слова *задьнии*, легко могъ образоваться и юридическій терминъ *задьница* въ значеніи имѣнія, остающагося послѣ покойника: «аже умретъ смердъ, то задьница князю, аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за князя задьница не идетъ» (Рус. Пр.); «а кто его задницю возметь, то в того Немчичю товаръ взяти» (Грам. Смол. съ Риг. по противню 1229 г., а въ противнѣ 1228 года въ этомъ мѣстѣ употреблено слово остатокъ (у Тобина, 60).

Что касается до слова *складьство*, то хотя его и нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, но смыслъ его, сообразный со значеніемъ прилагательныхъ *первыи* и *задьнии*, сопоставленныхъ при немъ въ разбираемой грамматѣ, можно опредѣлить помощію другихъ нарѣчій славянскихъ и отчасти даже словъ русскихъ одного, съ нимъ происхожденія.—Въ польскомъ, слово *sklad* употреблялось въ значеніи przyjacielskiej zgody, полюбовнаго суда (Voll. Legg. II, 611 и 934, подъ год. 1562 и 1580). Другой, близкій къ этому смыслъ слова skład виденъ въ польскомъ выраженіи: *sklad apostolski*, что зна-

читъ то же, что *spolek apostolski*, das apostolische Glaubensbekenntniss. Въ лужицкомъ, въ этомъ смыслѣ, употребляется слово *skladovanjo*. Въ сербскомъ, хорватскомъ, хорутанскомъ, слова: *склад*, *складанье*, *склада*, *складност*, значатъ concordia, conventia, pactum, pactio, conjunctio, unanimitas; а *складам се*, *складовам се*,—concordo, accordo, consono; *складно*—concorditer, honeste. Вмѣсто *складъ* у насъ употреблялось слово слогъ; такъ напр. Алексѣевъ, ссылаясь на творенiе Дамаскина о вѣрѣ, объясняетъ слогъ словами «договоръ, союзъ, завѣтъ» (Церк. Слов. IV, 107). Такое же значенiе было и за словомъ сложенiе, которое по объясненiю Памвы Берынды, значитъ «умова, заложенье, або зложенье, разманитое постановленье въ купляхъ, въ примирьи, примирье, змова, згода, покой, зезволенье, произволенье». Положенный значило опредѣленный по условiю или договору: «а холопу, рабѣ данному положеному, заiемному, поручьному, землѣ, водѣ, судъ отъ вѣка.» (Акты А. Э. I, № 14); «суженаго не посужати, суженое положеное дати» (Собр. Гос. Гр. I, № 32). Этимъ словамъ соотвѣтствуетъ югославянское слово слога, употребляемое въ значенiи союза, покоя, согласiя: «слога од Бога, неслога од злога», говоритъ сербская пословица. Слажемсе значитъ то же что складамсе, concordo, и т. п. Какъ равносильны по значенiю формы корнесловныя *клад* и *лог*=*лаг*, видно изъ многихъ нашихъ производныхъ словъ: *сложить* значитъ то же что *класть*; греческое συλλαβή въ единственномъ числѣ мы переводимъ словомъ *слогъ*, а во множественномъ не только слоги, но и *склады*. Такъ и въ переносномъ смыслѣ *складъ* значило тоже, что слогъ; пикникъ въ старой Руси назывался *складомъ пировнымъ* (Акт. Ист. I, 162); *складный* зна-

чило и до сихъ поръ значитъ гармоническій, пріятный по согласію звуковъ; *складати* значило собирать, созывать для совѣщаній: «князь-местеръ съѣзды *складаетъ*, а на съѣздъ ни самъ не ѣдетъ, ни людей своихъ посылаетъ и исправѣ не дастъ» (Псков. Лѣт. I, 247). Въ чешскомъ слово *sklad* со своими производными употребляютъ не только въ общемъ смыслѣ соглашенія, но и въ частномъ смыслѣ брачнаго сговора, сватьбы. Въ такомъ именно смыслѣ *sklad* употребляется у Валаховъ моравскихъ, и въ нѣкоторыхъ словацкихъ краяхъ. В. В. Ганка, которому я сообщалъ свое мнѣніе о разбираемомъ памятникѣ на предварительное обсужденіе, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, напомнилъ мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ изъ старинныхъ памятниковъ чешскаго языка. Въ Тристамѣ чешскомъ читаемъ: I přijede kràl Rivalin z Lohnois tomu krali Markowi na pomoc, aby mu tak wérné služil, zajisté jako by jmanem byl. A to jest byl pro to zdèl, aby jeho sestru za ženu sobé pojel: toho s weliku pracu doby, že s nim *skládána* ta panna by.»* (Starobyl. Skladani, IV. 2.). Въ Азбуковникѣ Воднянскаго, извѣстномъ подъ названіемъ Lactifer, есть *swatebnie skladanie* (свадебное складанье) въ смыслѣ copulatio (сватьба). Epithalamium переведено какъ spéwanie na ženicha a na newéstu při *skladani*.** Къ этимъ замѣчаніямъ филолога чешскаго

* И пріѣхалъ король Ривалинъ изъ Лоноа съ помочью тому королю Марку, чтобы такъ вѣрно служить ему, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ имавомъ. А сдѣлалъ онъ это для того, что бы взять женою его сестру, — и съ большимъ трудомъ добился того, что эта боярышня была съ нимъ сосватана.

** Пѣснь въ честь жениха и невѣсты при сватьбѣ.

прибавлю еще мѣсто изъ Dialogi Bohemarii: «Tej to noci bude je *skladaci* (складать)», ista nocte celebrabitur carnalis copula inter eos. (Zbirka nejdawn. Slownikuw, w. Hanky, 349). Важнѣе другихъ для насъ слово *складанiе* въ смыслѣ сватьбы. Окончанiя существительныхъ на *iе* (енiе, анiе) и *ство* довольно часто употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ, одно вмѣсто другаго, какъ видно изъ русскихъ словъ: величiе и величество, рожденiе и рождество, княженiе и княжество, колдованiе и колдовство, злодѣянiе и злодѣйство, и пр. Такимъ же образомъ вмѣстѣ со словомъ *складанiе* можетъ быть и слово *складство*, и именно въ томъ же значенiи «условiя, соглашенiя, сговора, — свадебнаго сговора = сватьбы». Самое слово *сватьба* въ первоначальномъ смыслѣ могло означать только вообще «соглашенiе, условiе»: оно происходитъ отъ корня *ват* = *вѣт*, значащаго то же что̀ *глас*, *говор* = *гвар*, и т. п., и давшаго древнему языку нашему глаголъ *сватитися*, равносильный глаголу *съвѣщатися*. Такъ у Нестора: «Святославъ прельсти Всеволода, глаголя тако: Изяславъ *сватиться* со Всеславомъ, мысля на наю» (Лл. 78). Нѣтъ слова *складьство* въ этомъ смыслѣ въ древнихъ нашихъ памятникахъ, нѣтъ его и ни въ какомъ другомъ смыслѣ; но это нисколько не должно мѣшать разумѣнiю, насколько оно объяснимо общимъ здравымъ смысломъ и соображенiемъ. Въ смыслѣ «соглашенiя, сговора», слово *складьство* совершенно подходитъ къ смыслу словъ *первоiе* и *заднеiе*, а равно и къ смыслу глагола *порядися*; не допускаетъ, насколько теперь можно судить, никакого другаго приличнаго значенiя, и слѣдовательно должно быть принято въ разбираемой грамматѣ только въ этомъ смыслѣ. Можно еще,

правда, принимать слово *складьство* въ смыслѣ переносномъ — какъ приданое, опредѣленное къ выдачѣ за невѣстой по сговору; но въ переводѣ, такой исключительности значенія слова «складьство», на основаніи данныхъ теперь извѣстныхъ, допустить нельзя.

Такимъ образомъ начало разбора этой грамматы должно быть переведено такъ:

— **Порѣшилъ Тѣшата съ Якимомъ относительно сговора * (брачнаго соглашенія) прежняго и послѣдовавшаго.**

Слѣдующее за тѣмъ выраженіе грамматы еще болѣе убѣждаетъ въ правильности этого перевода:

2. И на дѣвцѣ ꙗкъıмъ серебро взялъ.

Предлогъ *на*, отдѣляемый здѣсь мною отъ существительнаго *дѣвцѣ*, употреблялся и употребляется у насъ отчасти и теперь съ мѣстнымъ падежемъ въ томъ же значеніи, какъ и предлогъ *за* съ падежемъ винительнымъ: *на комъ* = *за* кого, *на чемъ* = *за* что. «И нача Бѣлдюзь даяти *на* собѣ злато, и кони, и скотъ» (Лл. 119); «и даша *на* немъ рублей гривну на 70 лѣтъ» (Акт. Юрид. I, стр. 110); «а далъ Иванъ *на* тихъ земляхъ 8 сороковъ бѣлъ» (тамъ же; новг. купч. XVI вѣка, стр. 112).

Что касается до слова *дѣвка*, то оно изстари означало не только дѣвушку вообще или дочь, но и невѣсту. Быть *въ дѣвкахъ* значитъ и теперь — оставаться дѣвушкой, невѣстой незасватанной. «Князь великій велѣлъ тобѣ говорити, что еси ко мнѣ присылалъ свою грамоту о томъ, что у князя у Исайя дочи, и мнѣ бы пожало-

---

* Удерживаю слово сговоръ въ его древнемъ смыслѣ, — въ смыслѣ договора вообще и по случаю наступающей сватьбы.

вати та его дочка взяти за его сына: ино бояринъ мой Никита *дѣвку* видѣлъ, и ты бы мнѣ учинилъ вѣдомо о томъ, что взяти съ *дѣвкою* на колко тысячъ золотыхъ; то бы еси переписалъ на списокъ, до ко мнѣ прислалъ» (Ист. Г. Р. VI, пр. 125). «Истинная есть тому правда, что во всѣмъ свѣтѣ такого на *дѣвки* обманства нѣтъ» (Котошихинъ, 126). Такимъ образомъ *на дѣвцѣ* значитъ «за дѣвушку, за невѣсту»; а все выраженіе «и на дѣвцѣ Якымъ серебро взялъ» значитъ:

—И деньги за невѣсту Якимъ получилъ.

Указаніе очень важное на древній обычай вѣна за невѣсту, —обычай, извѣстный со временъ Владиміра, который «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь опять, царицѣ дѣля», и Ярослава, который, отдавая сестру свою за Казиміра, получилъ отъ него «за вѣно людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.»

3. И роцѣтъ оучинила промежи себѣ, а болѣ не надобѣ ıакъıму тѣшата, ні тѣшатѣ ıакъıмъ.

Здѣсь можетъ остановиться вниманіе на выраженіи *не надобѣ*. Иногда оно употреблялось безлично, иногда же напротивъ относилось къ опредѣленному подлежащему. Такъ въ одной изъ старинныхъ духовныхъ (Акт. Юр. № 409, стр. 429) рядомъ стоятъ выраженія: «а Семену ту *не надоби*», и не много ниже: «а Семену и Григорью то (купля отца моего, Яковово село) *не надоби*.» Для насъ теперь понятнѣе смыслъ безличный. Въ смыслѣ же личномъ *надобѣ* можетъ быть употреблено и безъ дополненія въ дательномъ падежѣ, и значитъ не только «слѣдуетъ, принадлежитъ по закону или условію», но и «долженъ, должна, должно». Въ первомъ уже договорѣ Олега съ Греками

читаемъ: «да іемлютъ у царя вашего на путь брашно и якоря, и ужя, и прѣ, и елико *надобѣ*. И да творятъ куплю, якоже имъ *надобѣ*.» Здѣсь, въ первомъ выраженіи, *надобѣ* употреблено какъ глаголъ личный» и значитъ «слѣдуетъ по закону»; а во второмъ безлично, въ смыслѣ «надобно, нужно». Въ Русской Правдѣ, въ выраженіи: «а матерня чясть дѣтемъ *не надобѣ*», *не надобѣ*, употреблено также какъ глаголъ личный, относящійся къ существительному часть, въ смыслѣ: «не слѣдуетъ, не принадлежитъ по закону, не должна отойти». Такъ въ договорѣ Смоленска съ Ригою, въ противнѣ 1229 года: «Нѣмчичю же *не надобѣ* ни какое мыто и' Смоленьска и до Ригы, а из Ригы и до Смоленьска. Такъ же Роусину *не надобѣ* мыто с Готьскаго берега до Ригы, из Ригы до Смоленьска» (у Тобина, стр. 68). Здѣсь *не надобѣ* относится какъ глаголъ къ подлежащему мыто въ смыслѣ: «не слѣдуетъ, не должно быть взимаемо». Въ противнѣ 1228 года той же грамматы это мѣсто гласитъ такъ: «всякому латинескому чявкоу свободѣнъ поуте из гочкого берега до Смольнеска без мыта» Такъ и въ псковской лѣтописи, въ словахъ великаго князя: «вамъ моя отчина, какъ Пскову такъ и Новугороду, *не надобѣ* ничто», *не надобѣ* относится къ подлежащему отчина, также съ значеніемъ «не слѣдуетъ» (П.Л. 260). Такъ и въ разбираемой граммат *не надобѣ* есть глаголъ управляющій, относящійся разъ къ подлежащему *Тѣшата*, а другой разъ къ подлежащему *Якимъ*. Всю фразу я перевожу такъ:

— **И расчетъ они оба покончили между собою, а больше не долженъ ни Якиму Тѣшата, ни Тѣшатѣ Якимъ.**

Еще мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ у Г. Наперскаго переводъ послѣдней фразы гранматы:

4. А псалъ Довмонтовъ писецъ.

Слово *писецъ* едва ли можно переводить посредствомъ Schreiber, принимая его въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно теперь. Писецъ, какъ писарь, дьякъ нашего древняго и стариннаго міра, были иногда лица важныя, не переписчики, а письмоводители, дѣлопроизводители, секретари, лица иногда почти столь же важныя, какъ и тѣ, чьими дѣлами они управляли. Здѣсь не мѣсто распространяться объ ихъ разрядахъ, объ ихъ различныхъ степеняхъ и должностяхъ; общее же ихъ значеніе довольно извѣстно.. А такъ какъ и самъ Г. Наперскій доказалъ, что подъ именемъ Довмонта должно понимать того князя псковскаго Довмонта, который во святомъ крещеніи получилъ имя Тимоѳея, то и заключительную фразу разбираемой грамматы слѣдуетъ перевести:

— А писалъ (граммату) секретарь (письмоводитель) князя Довмонта.

Такимъ образомъ вся граммата въ новомъ русскомъ водѣ можетъ быть прочтена такъ:

Порѣшилъ Тѣшата съ Якимомъ относительно сговора (брачнаго) прежняго и послѣдовавшаго. И деньги за невѣсту Якимъ получилъ. А свое монисто у Якимовой жены Тѣшата можетъ взять. И расчетъ они оба между собою покончили; а больше не долженъ ни Якиму Тѣшата, ни Тѣшатѣ Якимъ. Свидѣтелями этого были: попъ Давидъ, Домославъ Дорожка, Боянъ Вѣкошкинъ, Кузма Лой-

ковичъ, Жидило Жихновичъ, Иванъ Смольнянинъ. А кто нарушитъ это условіе, Якимъ ли или Тѣшата, тотъ заплатитъ (неустойки) 100 гривенъ серебромъ. А писалъ (эту граммату) секретарь князя Довмонта.*

Граммата эта Г. Наперскому и нѣкоторымъ другимъ показалась купчею, почему и напечатана была въ числѣ «Аналектъ русскихъ» Г. академика Куника, ** какъ Verkaufsbrief, Verkaufseinigung über einen Hals-oder Brust-Schmuck. *** Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно. Невозможно, если бы и остаться при томъ переводѣ, который предложенъ былъ Г. Наперскимъ, или съ тѣми измѣненіями его, которыя могли быть

* По-нѣмецки это будетъ почти такъ: «Es kam überein Tieschata mit Jakim wegen des Vertrages, des vorigen und des daraufgemachten. Auch für die Braut empfing Jakim das Silber. Das Halsband aber des Tieschata von der Frau des Jakim ist Tieschata frei abzunehmen. Auch die Rechnung haben sie unter sich abgemacht. Und mehr schuldet einer dem andern nichts, weder Tieschata dem Jakim, noch Jakim dem Tieschata. Darüber waren Zeugen David der Pop etc. Wer aber diese Abmachung übertrit, entweder Jakim oder Tieschata, der zahlt 100 Griwen Silber. Geschrieben hat's Dowmont's Secretär.»

** Bulletin de la classe des sciences historiques, T. VIII, N⁰ 11 стр. 170; Mélanges russes, T. I, стр. 600.

*** М. П. Погодинъ напечаталъ краткія свои замѣчанія на эту граммату въ Москвитянинѣ 1851 г. N⁰ 6, стр. 115. Онъ правильно принималъ чтеніе: *на дѣвцѣ*, т. е. на дѣвицѣ; но касательно *складьства* полагалъ, что это относится къ какому-нибудь общему дѣлу, въ товариществѣ, которое Тѣшата и Якимъ прежде вели, а теперь покончили. *Ред.*

сдѣланы при болѣе счастливомъ истолкованіи выраженія «на дѣвцѣ». Такому взгляду на граммату мѣшаетъ особенно условіе о неустойкѣ, условіе одинаково обязательное здѣсь для обоихъ договаривающихся лицъ, Тѣшаты и Якима, тогда какъ расчетъ между ними уже оконченъ, такъ что они другъ другу уже ничего не должны, а остается только Тѣшатѣ взять свое монисто у жены Якима. Образцы купчихъ не только XV и XVI, но и XIV вѣка, сохранились въ довольно значительномъ количествѣ. (Акт. Юрид., стр. 110—136), и сличеніе съ ними разбираемой нами грамматы не можетъ, кажется, ни сколько оправдать мнѣнія о ней, какъ о купчей: ни въ одной изъ купчихъ нѣтъ помина о неустойкѣ, не говоря уже о томъ, что купчая сама по себѣ не предполагала особеннаго соглашенія и рѣшенія никакого рода, и не могла бы начинаться выраженіемъ: «се порядися», какъ начинается разбираемая граммата.

Вотъ образецъ старинной купчей, по которому можно имѣть понятіе о формѣ этого рода актовъ:

«Се купи Филипъ Дмитровъ у Ѳедора въ Ларивонова сына лоскутъ земли на гори... а огородъ стѣна съ Ѳомою по половинамъ. А далъ Филипъ на той земли 50 бѣлъ да полоть мяса пополопка: и купилъ собѣ одерене и своимъ дѣтемъ. А на то послухи: Иванъ Степановичъ, Прхурей Ѳоминъ, Огаѳанъ Ѳедровъ. А въ пецати стоялъ самъ Ѳедоръ и землю завелъ, Ларивоновъ сынъ.»

Выраженіе: *се порядися*, заставляетъ напротивъ того думать, что наша граммата есть рядная. Рядныхъ было два рода: однѣ касались соглашеній большею частію по имѣнію (Юрид. Ак., 269 — 273), другія соглашеній брачныхъ (тамъ же, 418—424). Къ числу первыхъ нашу граммату отнести, кажется, нельзя ни по

содержанію, ни по формѣ; къ числу послѣднихъ нельзя не отнести, какъ кажется, по всему.

Что̀ значила такая рядная, легко понять всякому, кто хоть сколько-нибудь знаетъ наши народные обычаи, до сихъ поръ сохранившіе многое отъ давно минувшихъ вѣковъ. Выдавая за-мужъ свою дочь, отецъ *рядился* съ будущимъ своимъ зятемъ, получалъ за нее отъ жениха или его отца условленную плату, и передавалъ, также по условію, жениху приданое, которое назначалъ за дочерью. Главнѣйшія условія этого ряда заносились въ письменное обязательство, которое утверждалось свидѣтелями. При этомъ, на случай необходимости нарушить договоръ, съ той или другой стороны, опредѣлялась плата за неустойку, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ стоимѣе было приданое невѣсты. Этотъ обычай уцѣлѣлъ въ нѣкоторыхъ краяхъ и до сихъ поръ, сохраняя и древнее названіе *ряда*, ряднаго слова и даже ряднаго склада, также какъ и письменный договоръ жениха съ отцомъ невѣсты—названіе рядной записи, рядной грамотки или просто *рядной*. Этотъ обычай, какъ онъ теперь уцѣлѣлъ, сто̀итъ быть описанъ во всей подробности, со всѣми своими мѣстными видоизмѣненіями, и тѣ изъ знатоковъ народности русской, которые знаютъ ихъ сколько-нибудь обстоятельно, окажутъ услугу наукѣ русской, если сообщатъ свои свѣдѣнія и наблюденія тому ученому Обществу или лицу, которое сочтутъ болѣе обязаннымъ и лучше умѣющимъ обращать ихъ въ пользу науки. У кого-нибудь изъ наслѣдниковъ древнихъ достояній могутъ найтись и древнія рядныя въ подлинникѣ или въ спискѣ: ихъ обнародованіе тѣмъ болѣе нужно, что древнѣйшія изъ рядныхъ, изданныя Археографическою Коммиссіею относятся къ XVI вѣку.

О старинномъ обрядѣ совершенія такихъ рядныхъ записей сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей въ сочиненіи Котошихина:

«Женихъ... нарядясь съ отцомъ своимъ, или съ родичами или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери. А пріѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годится, и идутъ въ хоромы, и садятся по чину. А посидѣвъ, учнетъ говорить отъ жениха отецъ, или иной сродственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дому своего отвѣчаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя съ обѣ стороны учнутъ уговариватся о всякихъ свадебныхъ статьяхъ, и положатъ сватьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ этому времени изготовиться, за недѣлю и за мѣсяцъ, и за полгода, и за годъ, и больше. И учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ своихъ имена и третьихъ *, и невѣстино; а напишутъ, что ему по сговору тое невѣсту взять на прямой установленной срокъ, безъ премѣненія, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, безъ премѣненія. И положатъ въ томъ письмѣ межъ собою зарядъ, буде тотъ человѣкъ на тотъ установленной срокъ тое дѣвицы не возметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000 или 5000 или 10,000 рублевъ денегъ, сколько кто запишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣдчи и пивъ, поѣдутъ къ себѣ.» (Стр. 120—121.)

Нѣсколько такого рода записей внесено въ число юридическихъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь для соображенія одну изъ нихъ:

«Се язъ Тишина Костянтиновъ сынъ Сульменева: жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михайловыхъ дѣ-

* Т. е. свидѣтелей.

тей Ржевского, а поняти мнѣ ихъ сестра Олена Михаилова жь дочь Ржевского, за недѣлю до заговѣнья Филипова лѣта 7050-осмаго; а не женюсь язъ Тишина на тотъ срокъ у Замятни да у Василья, ино на мнѣ на Тишинѣ взять Замятнѣ да Василью по сей записи сто рублевъ денегъ. А на то послуси: Дмитрей Ивановъ сынъ Маршалкова, да Костянтинъ Ѳедоровъ сынъ Засѣцкаго, да Ѳедоръ Ивановъ сынъ Лыковъ, да Замятня Костянтиновъ сынъ Сулменева. А запись писалъ Васюкъ Ѳедоровъ сынъ Засѣцкаго, лѣта 7057.» (Запись скрѣплена подписью трехъ свидѣтелей.)

Образецъ такого рода рядной записи древняго времени, именно XIII вѣка, представляется въ грамматѣ нами разбираемой. Какой-то Якимъ выдавалъ свою невѣсту, вѣроятно дочь (*дѣвку*), за какого-то Тѣшату. Порѣшая сговоръ (*складьство*), въ-слѣдствіе окончанія *расчета*, отецъ невѣсты и женихъ, въ засвидѣтельствованіе того, что они другъ другу уже ничего не должны, сдѣлали запись; обозначили въ ней, что вѣно за невѣсту (*серебро на дѣвцѣ*) уже получено, а монисто, уступленное жениху и еще остающеся у его будущей тещи, женихъ можетъ взять когда захочетъ; обозначили тоже, что въ случаѣ нарушенія ряда, нарушитель обязанъ заплатить 100 гривенъ серебра, и утвердили запись свидѣтельствомъ отца духовнаго и пяти другихъ свидѣтелей, и написаніемъ ея рукою секретаря князя Довмонта.

Въ записи не обозначено имя невѣсты, вѣроятно потому, что у Якима дочь невѣста была одна, и что слѣдовательно не представлялось ни какой особенной надобности выставить это имя. Нѣтъ въ записи также и срока сватьбы.... почему? Не трудно кажется разгадать и это, если рѣшить вопросъ: для кого была

сдѣлана эта запись, для отца ли невѣсты, или для жениха, или же обоихъ вмѣстѣ? иными словами: дана ли она женихомъ отцу невѣсты, или отцомъ невѣсты жениху, или же одна и таже запись написана была въ двухъ противняхъ, изъ которыхъ одинъ данъ жениху а другой отцу невѣсты?

Удостовѣренія, одинаково важныя для обѣихъ сторонъ, касаются: 1) порѣшенія ряда, 2) окончанія расчета, и 3) неустойки. Удостовѣренія, важныя для жениха, касаются 1) выдачи вѣна за невѣсту и 2) права взять жениху у будущей тещи монисто, ему уступленное. Удостовѣреній, важныхъ только для одного отца невѣсты, нѣтъ ни одного.

Это неравенство удостовѣреній заставляетъ заключать, что разсматриваемая граммата есть запись, данная отцомъ невѣсты жениху, и что вмѣстѣ съ нею написана была другая отъ жениха отцу невѣсты. Безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ важныхъ условій для отца невѣсты было условіе о срокѣ свадьбы; оно не могло быть пропущено въ записи, удостовѣрявшей отца невѣсты въ его правахъ въ отношеніи къ жениху,—и занесенное въ одну изъ записей, легко могло быть пропущено въ другой.—Какъ въ этой рядной имѣемъ образецъ записи, данной отцомъ невѣсты жениху, такъ въ рядной выше приведенной изъ «Юридическихъ Актовъ» представляется образецъ записи, данной женихомъ братьямъ невѣсты.

—

Считая разсматриваемую граммату рядной записью, данною отцомъ невѣсты жениху, обратимъ еще вниманіе на ея древность и мѣстность.

На древность ея намекаетъ уже пергаминъ, на

которомъ она написана: акты не древніе писались не на пергаминѣ, а на бумагѣ.

Еще болѣе и опредѣлительнѣе говоритъ объ этомъ какъ упоминаніе о князѣ Довмонтѣ, въ текстѣ ея, такъ и ликъ Св. Тимоѳея, изображенный на печати. Оба эти обстоятельства замѣчены уже были Г. Наперскимъ. Князь Довмонтъ, изъ роду князей литовскихъ, принялъ христіанскую вѣру въ Псковѣ въ 1266 (6774) году, и получилъ во св. крещеніи имя Тимоѳея, а въ 1291 скончался (Псков. Лѣтоп. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, стр. 180 и слѣд.). Очевидно, что рядная писана послѣ 1266 года.

Сто гривенъ серебра неустойки (сумма важная и не для XIII вѣка) намекаютъ на значительность лицъ, которыя совершили эту запись; но объяснить опредѣлительно, кто именно были они, сколько знаю, не возможно.

Древность грамматы, при маломъ числѣ древнихъ подлинныхъ грамматъ русскихъ, заставляя археологовъ дорожить ею какъ памятникомъ быта и обычаевъ русской старины, обязываетъ и филолога дорожить ею какъ однимъ изъ рѣдкихъ памятниковъ древняго русскаго языка.

Граммата эта, не смотря на свою малую величину, замѣчательна по тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя представляются въ ней касательно переходнаго состоянія русскаго языка въ XIII—XIV вѣкѣ, когда древнія формы были постепенно забываемы, а новыя постепенно все съ большею силою заступали ихъ мѣсто.

1. Знаки глухихъ гласныхъ звуковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поставлены правильно на своемъ древнемъ мѣстѣ (Якъıмомъ, томъ, складъство, дастъ, переступитъ), въ другихъ-же или опущены (свобо*дн*а, доро*жк*а, *взя*ти,

дѣвцѣ, *псалъ* *), или замѣнены цѣлыми гласными «первоіе, Вѣкошкынъ, Якымомъ, тотъ»).

2. Буква *ѣ* употреблена всюду правильно («Тѣшата, Тѣшатѣ, дѣвцѣ, болѣ, ненадобѣ, Вѣкошкынъ»).

3. Гласный звукъ *и*, который, по особенному стремленію русскаго языка, долженъ былъ во многихъ случаяхъ отдавать свое мѣсто звуку *е* («жеребии=жеребей»), удержанъ въ словѣ *сии*, которое и въ старославянскомъ языкѣ выговаривалось *сей*.

4. Гласный звукъ *и* представляется нѣсколько разъ сократившимся въ согласный j («Лойковичь, Иванъ спй»).

5. Широкій звукъ *ъі*, отдавшій въ-послѣдствіи свое мѣсто звуку *и* послѣ гортанныхъ, удержанъ вездѣ правильно («Якъімъ, Якъімовъ, Вѣкошкъінъ»).

6. Мягкій выговоръ шипящихъ представляется въ смѣшеніи съ твердымъ («Тѣшята, Тѣшятѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Тѣшата»).

7. Смягченіе гортанныхъ въ свистящіе удержано («дѣвцѣ, послуси»).

---

* О словѣ *псати* считаю нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ. Обѣ формы *псати* и *писати* одинаково были употребляемы въ хартіяхъ славянскихъ въ древности. Такъ въ древнемъ русскомъ, напр. въ граммать договорной Смоленска съ Ригой, по противню 1228 года: «ся грамота *псана*», а по противню 1229 года: «си грамота *написана*» (у Тобина, 71) или въ одной изъ новгородскихъ купчихъ: «а *псалъ* Олуферій передъ обима истчи» (А. Юр. 110), а въ другой: «а грамоту *писалъ* Григорей» (А. Юр. 111), и пр. *Писати* относится къ *псати*, какъ *пхати* къ пихати, *чхати* къ чихати, *цкати* (т. е. тскати) къ тискати, *мгати* къ мигати, *драти* къ дирати, *брати* къ бирати, и пр. Теперь форма *псати* удержалась вполнѣ только въ чешскомъ.

8. Двойственное число оставлено при своихъ древнихъ правахъ («и ращетъ оучинил*а* Тѣшата и Якымъ промежи себе»).

9. Прошедшее простое еще было живо («Се поря*ди* ся»).

10. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако употреблено и прошедшее сложное сокращенное, т. е. съ пропускомъ вспомогательнаго глагола («Якымъ серебро *взялъ*,—а *псалъ* Довмонтовъ писецъ»).

11. Равно и въ другихъ случаяхъ глаголъ существительный пропущенъ («мониста Тѣшатина свободна Тѣшатѣ взяти,—а болѣ не надобѣ Якыму Тѣшата,— а на томъ послуси,—и рощетъ учинила промежи себе.»)

12. Склоненіе прилагательнаго неопредѣленнаго или одночленнаго представляется отдѣльнымъ отъ склоненія прилагательнаго двучленнаго («у Якымов*ы* жены»).

Къ этому прибавить еще можно нѣсколько замѣчаній о тѣхъ синтаксическихъ особенностяхъ древняго и стариннаго языка Русскихъ, которыя могутъ остановить на себѣ вниманіе читателя въ разбираемой грамматѣ.

— Се порѧдисѧ тѣшата. *Се* (средній родъ мѣстоименія *сь*) употребляется нерѣдко въ значеніи объяснительнаго указанія въ родѣ члена передъ глаголомъ, именемъ, мѣстоименіемъ, нарѣчіемъ. Иногда можно перевести *се* въ этомъ значеніи посредствомъ *вотъ* или *такъ*, иногда же невозможно не оставить вовсе безъ перевода. «*Се* азъ отхожю свѣта сего, сынове мои»: такъ начинается духовная Ярослава. «*Се* вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой»: такъ началъ Владиміръ Мономахъ признаніе о своихъ дѣлахъ въ поученіи дѣтямъ. «*Се* первѣс взялъ іеси зрак очью

моіею, а *се* нынѣ хощеши взяти душю мою»; такъ сказалъ Василько Святополку, выходя съ нимъ на битву. «*Се* молитися и каятися достоитъ день и нощью»: такъ началъ свое слово о молитвѣ одинъ безъименный проповѣдникъ. Есть не мало грамматъ и грамотокъ, начинающихся этимъ словомъ: *се* язъ, *се* вѣдалъ, *се* пишю, *се* купи, *се* глаголетъ, *се* дьнесь, и т. п. Грамматики, вѣроятно, безъ труда рѣшатъ, что̀ это за часть рѣчи.

— А мониста тѣшатина у ıакъімовы жены свободна тѣшатѣ взяти. Въ языкѣ позднѣйшемъ слово *свободна* не было бы поставлено со словомъ *мониста*, а безлично, въ единственномъ. Въ языкѣ древнемъ, требованіе словосогласованія было въ этомъ случаѣ другое. Такъ въ договорной грамматѣ Смоленска съ Ригой, въ противнѣ 1228 года сказано: «пискоунъ ризскии, мастьръ бжхъ дворянъ, и вси земледѣржци, ти даютъ Двиноу *свободну* ѿ вьрхоу и до низоу въ мѣре и по вѣдѣ и по бѣрегоу всемоу латинескому языкоу и Роуси». Въ противнѣ 1229 года то же; только вмѣсто *свободну* употреблено вольну: «дали Двиноу волноу».

— А на томъ послуси. Выраженіе *на то* очень обыкновенно въ древнихъ и старыхъ грамматахъ русскихъ передъ словомъ *послухи* или другимъ того же смысла (мужи, люди, сидѣльцы, и т. п.). Нельзя этого сказать о выраженіи *на томъ*. Оно впрочемъ совершенно понятно всякому, кто вникъ въ духъ русскаго языка народнаго. Здѣсь *на томъ* значитъ: «на томъ ряду». Въ томъ же родѣ читаемъ въ нашихъ актахъ: «а на судѣ были» (Акт. Юр., стр. 12), «а на семъ приговорѣ были люди добрыи» (Ак. Юр., 270), «а на семъ дѣлу были люди добрыи» (Ак. Ю., 274), и пр.

—

Ограничивая этимъ разборъ текста рядной, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о привѣшенной къ ней печати и о внѣшней формѣ грамматы.

Читатель, который станетъ сличать снимокъ съ печати, приложенный къ переводу Г. Наперскаго въ «Академическихъ извѣстіяхъ», со снимкомъ, прилагаемымъ здѣсь, найдетъ между ними разницу, для сфрагиста очень значительную. Такъ напримѣръ, литографъ перваго снимка не изобразилъ видныхъ на лѣвой сторонѣ святаго, остатковъ буквъ ⲁ и н, а въ словѣ *Тимоѳей* начертилъ букву є въ видѣ нашего прописнаго *Е*, что могло родить невольное сомнѣніе въ подлинности самой печати. Читатель замѣтитъ наблюдательность и ловкость художника, приготовившаго нашъ снимокъ, и безъ сомнѣнія поблагодарить его за тщательность труда. *

Печать свинцовая, темно-синяго цвѣта, сдѣлана изъ двухъ пластинокъ, сплоченныхъ одна съ другою, какъ сплачиваются таможенныя пломбы, такъ-что пеньковая веревочка укрѣплена между ними. Чеканка вышла очень не ловко: съ одной стороны оттиснулось не все, а другая сторона оттиснулась въ два раза.

На одной сторонѣ печати изображенъ ликъ Св. Тимоѳея, какъ можно судить по надписи; слѣва видно: ⲁ н—начало слова ἁγίος (святой), а справа: тн| мо |ѳє| ї на четырехъ строкахъ. На другой сторонѣ шестико-

---

* Рисунокъ печати сдѣланъ нашимъ художникомъ антикваріемъ Г. Шуховымъ, тѣмъ самымъ, который составилъ прекрасные рисунки для дипломовъ Общества и теперь занимается снимками съ древнихъ рисунковъ къ житію св. Бориса и Глѣба.

нечный крестъ и надъ нимъ слѣва: ІС҃, а справа ХС҃, оттиснутое два раза.

Изслѣдованія объ этой печати оставляемъ на другое время, когда можно будетъ воспользоваться для этого нужнымъ количествомъ фактовъ. Факты по части русской сфрагистики еще у насъ не разобраны и не собраны, а между тѣмъ ихъ уже не мало, начиная съ того упоминанія о печатяхъ, которое находится въ договорѣ Игоря съ Греками, до XIV вѣка и слѣдующихъ. Между тѣмъ можемъ отослать читателя къ статьѣ покойнаго Евгенія, митрополита кіевскаго, собравшаго общія замѣчанія о русскихъ печатяхъ, въ своихъ примѣчаніяхъ на грамматы Мстислава и Всеволода (въ III т. Трудовъ Москов. Общ. Ист. и Древностей).

Не менѣе печатей любопытна въ древнихъ актахъ ихъ внѣшность. Обращено уже было вниманіе въ актахъ большаго размѣра на то, что одни изъ нихъ складывались въ-двое, въ-трое или въ-четверо, другіе свертывались въ свитки. Въ Россіи, въ старину, были на то свои обычаи, о которыхъ скажемъ при общемъ обозрѣніи нашихъ древнихъ печатей. Разсматривая лоскутокъ пергамина, на которомъ написана наша граммата, нельзя не замѣтить на немъ продольныхъ и поперечныхъ сгибовъ: продольные довольно тонки, поперечные широки, тѣхъ восемь, этихъ четыре; другими словами, листокъ сложенъ въ тридцать-вторую долю, сперва вдоль, потомъ поперегъ. Въ такомъ видѣ привѣшенная на веревкѣ печать не могла входить въ складку пергамена, а должна была держаться наверху, сложенной грамматы, закрывая собою большую часть верхней складки.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Письмо къ И. И. Срезневскому

К. А. НЕВОЛИНА.

—

Милостивый государь Измаилъ Ивановичъ!

Прочитавъ съ истиннымъ удовольствіемъ объясненія ваши на псковскую граммату XIII вѣка, открытую Г. Наперскимъ, представляю, по вашему вызову, нѣсколько своихъ замѣчаній.

Я согласенъ съ принимаемымъ вами образомъ чтенія грамматы, кромѣ небольшой отмѣны въ разстановкѣ знаковъ препинанія, какъ откроется ниже.

Я совершенно согласенъ съ вами, что разсматриваемая граммата не принадлежитъ къ разряду купчихъ: ни по формѣ своей она не походитъ на древнія, до сихъ поръ извѣстныя, купчія, ни ея содержаніе не указываетъ прямо какими-либо словами на продажу и покупку.

Но по тѣмъ же причинамъ граммата не можетъ быть относима къ отдѣлу рядныхъ, касающихся брачныхъ соглашеній и отпечатанныхъ въ Акт. Юрид. стр. 418—424. Существенную принадлежность рядныхъ этого рода составляли означеніе именъ жениха и невѣсты и означеніе срока, къ которому должна быть совершена сватьба. Ничего подобнаго не означено въ разсматриваемой грамматѣ. Если до нѣкото-

рой степени и можно принять ваше объясненіе, почему въ записи не обозначено имя невѣсты, то однакоже пропускъ имени жениха и пропускъ срока сватьбы совершенно необъяснимы: съ такимъ пропускомъ самая запись была бы не въ запись.

Другой отдѣлъ рядныхъ граммать, именно отдѣлъ рядныхъ, касавшихся, какъ вы пишете, соглашеній по имѣнію, есть, безъ сомнѣнія, тотъ отдѣлъ, къ которому относится и разсматриваемая граммата. Она принадлежитъ къ числу мировыхъ записей, которыми стороны спорящія соглашаются на опредѣленныхъ условіяхъ прекратить споръ между собою, возникшій изъ какой-бы то ни было юридической причины, напр. даже изъ сговорной (брачной) записи. Такое значеніе разсматриваемой грамматы очевидно изъ сравненія ея съ другими подобными, именно новгородскими. Выписываю одну изъ нихъ (Акт. Юрид. № 257, гр. II, стр. 270):

«Се срядилися Василей Ѳедоровъ и его дѣти и «его братья, Олександровы дѣти, Мартемьянъ и Иванъ «и Ондреянъ и Іяковъ, съ посадникомъ съ новгородц-«кимъ съ Иваномъ съ Даниловицемъ, про участокъ «дяди своего, про Андреевъ, что купилъ посадникъ «Иванъ Даниловиць у игумена святаго Спаса и у «всѣхъ чернцовъ, участокъ Ондреевъ дяди ихъ, за «Волокомъ въ Соломбалѣ, Яковецъ островъ и Карп-«цовъ островъ и въ Соломбалѣ, что въ Соломбалѣ «на полѣ, и въ Ижмѣ, что съ Ѳедоромъ на полѣ, «и въ Лодмѣ, что съ Ѳедоромъ на полѣ, и въ «Унѣ и въ солоныхъ мѣстѣхъ, въ отцынѣ его четвер-«тая часть: и взя посадникъ Иванъ Даниловиць у него «Василья и у его братановъ, у Олександровыхъ дѣтей, «на Ондреевевѣ Чюмоткѣ, въ Соломбалѣ, чимъ Андрей

«владѣлъ, сто рублевъ, что купилъ посадникъ Иванъ «Даниловицъ у чернцовъ Святаго Спаса и болѣ потомъ не надоби посаднику Ивану Даниловичу у «цернцевъ Святаго Спаса вступатися, Соломбалѣ, за «Волокомъ, въ Ондреевъ участокъ. А что ряднѣи грамотѣ у Ивана у посадника съ Васильемъ, а тѣ грамотѣ посадникъ Иванъ подраше; а его грамоту взялъ «посадникъ Иванъ безсудную на Олександра съ дѣтми «и на Василья; а ту грамоту посадникъ Иванъ подраше. «А что пожня Латипертъ, а та пожня знати Ивану по «своей исправѣ, а Василью и его братанамъ, Олександровымъ дѣтямъ, положити свои исправѣ. А потомъ «не надоби посаднику Ивану Даниловичу, ни игумену «Святаго Спаса съ Хутыня, ни чернцемъ, до Василья, «ни до его дѣтей, ни до его братановъ до Александровыхъ дѣтей, въ томъ орудьи въ Ивановѣ куплѣ; а «посадницы ничто по сей Василью, ни его дѣтемъ, ни «его братаномъ Александровымъ дѣтемъ, не надоби до «посадника до Ивана до Даниловица, ни до игумена «Святаго Спаса съ Хутына, ни до цернецевъ, въ томъ «орудіи ничто же.—А на порядцѣ съ обѣ половинѣ: тысяцкой Олександръ Ивановицъ, да Яковъ «Дмитріевицъ, Иванъ Дмитріевицъ, Сава Ермолиницъ, «Іеве Кузмине, Нефедье Парѳеньеве. А у печати «стоялъ въ братьи своей мѣсто, Мартемьянъ Ивановъ; «въ Ондреяново братьи ихъ Яковлево мѣсто, у печати «стоялъ сынъ его Стафій. А кто сія порушитъ, дастъ «князю и владыцѣ десять гривенъ золота.»

Сходство этой и другихъ мировыхъ новгородскихъ грамматъ съ разсматриваемою псковскою грамматою едва ли можетъ быть справедливо оспариваемо.

Мировая новгородская граммата начинается словами: «се срядилися» такія-то лица. Въ псковской грам-

матѣ начало такое же: «се порядися Тѣшата съ Якымомъ.»

Въ новгородской грамматѣ предметъ, о которомъ сдѣлано мирное соглашеніе, соединенъ съ словомъ срядилися предлогомъ про: «се срядилися» такіе-то «про участокъ дяди своего.» Въ псковской грамматѣ пишется: «се порядися Тѣшата съ Якимомъ про складьство про первое и про заднее.»

Въ новгородской грамматѣ, по изложеніи содержанія мирнаго соглашенія, присоединяется: «и болѣ потомъ не надоби посаднику Ивану Даниловичу у церncевъ Святаго Спаса вступатися, Соломбалѣ, за Волокомъ, въ Ондреевъ участокъ.» Нѣсколько далѣе: «А потомъ ненадоби посаднику Ивану Даниловичу, «ни игумену Святаго Спаса съ Хутыня, ни чернцемъ, «до Василья, ни до его дѣтей, ни до его братановъ «до Александровыхъ дѣтей, въ томъ орудьи въ Ивановѣ купли; а посадницы ничто по сей Василью, ни «его дѣтемъ, ни его братаномъ Александровымъ дѣтемъ «не надоби до посадника до Ивана до Даниловица, «ни до игумена Святаго Спаса съ Хутыня, ни до «цернецовъ, въ томъ орудіи ничто же.» Въ псковской грамматѣ, по изложеніи расчета, пишется: «а болѣ не надобѣ Якыму Тѣшята, ни Тѣшятѣ Якымъ.»

Послѣ статьи, объявляющей одну сторону не должною другой, въ новгородской и псковской грамматахъ поименовываются свидѣтели. Въ новгородской: «а на порядцѣ съ обѣ половины тысяцкой Олександръ Ивановиць, да Яковъ Дмитріевиць» и проч. Въ псковской: «а на томъ послуси: Давидъ попъ» и проч, При-этомъ относительно лицъ, бывшихъ на порядцѣ какъ сказано въ новгородской грамматѣ, или послуховъ, какъ въ псковской, должно сравнить слѣдую-

щія выраженія изъ другихъ новгородскихъ граммать, напечатанныхъ также въ Акт. Юридич. № 257, именно изъ гр. I: «а на то рядци и послуси»; изъ гр. III: а на то послухъ Святой Михаилъ» (во имя котораго былъ монастырь, участвовавшій въ заключеніи ряда), «и на тоже рядци и послуси»; изъ гр. IV: «а на то рядци съ обѣ половины»; изъ гр. V: «а на то съ обѣ половины рядци»; изъ гр. VI: «а на то рядцы и послуси». Различеніе рядцевъ (мировыхъ посредниковъ) и послуховъ показываетъ, что иногда одни и тѣже лица были свидѣтелями и рядцами вмѣстѣ, иногда кромѣ рядцевъ могли быть еще особые свидѣтели. Рядцы всегда были и послухи. Послухи, если бы въ актѣ и не были названы рядцами, могли однакоже соединять въ себѣ этотъ характеръ, такъ что не было надобности еще особенно означать ихъ какъ рядцевъ. Впрочемъ разумѣется само собою, что мировое соглашеніе между двумя лицами могло быть сдѣлано и безъ участія рядцевъ. Въ такомъ случаѣ въ мировой грамматѣ по необходимости означались одни только послухи. Мировая псковская граммата, можетъ быть, именно была заключена безъ рядцевъ; почему въ ней и поименованы одни только послухи.

Послѣ людей, бывшихъ на порядцѣ, въ новгородской грамматѣ замѣчается: «а у печати стоялъ, въ братьи своей мѣсто, Мартемьянъ Ивановъ; въ Ондреяново братьи ихъ Яковлево мѣсто, у печати стоялъ сынъ его Стафій.» Въ псковской грамматѣ не сдѣлано подобнаго замѣчанія; но оно и не было существенно необходимо, какъ показываютъ другія новгородскія мировыя грамматы, именно, гр. I, III, IV, VI, въ которыхъ также нѣтъ подобнаго замѣчанія. Оно дѣйствительно не было нужно, какъ скоро тѣ же

лица, которыя совершили рядъ и присутствовали при немъ, стояли сами лично и у печати (т. е. присутствовали при ея приложеніи, или, правильнѣе въ настоящемъ случаѣ, при ея привѣшеніи).

Въ новгородской грамматѣ въ концѣ пишется: «а кто сія порушитъ, дастъ князю и владыцѣ десятъ гривенъ золота.» Въ другихъ новгородскихъ грамматахъ пишется, именно въ гр. I: «а кто наступитъ на сій рядъ, дастъ князю и посаднику дватцать гривенъ золота»; въ гр. III: «а кто сій рядъ порушитъ, дастъ судіѣ три тысячи бѣлъ;» въ гр. IV: «а кто сей рядъ порушитъ, дастъ судьямъ тысяцю бѣлки;» въ гр. V: «а кто сей рядъ подвинетъ, дастъ судьи гривну золота.» Въ псковской грамматѣ также пишется въ концѣ: «а кто сей рядъ переступить, Якымъ ли, Тѣшата ли, тотъ дастъ сто гривенъ серебра.» Хотя здѣсь не говорится, что эта сумма должна быть заплачена судьѣ (или князю, какъ судьѣ); но не говорится также, чтобы эту сумму должна была заплатить въ случаѣ нарушенія ряда одна сторона другой. Какъ по существу мировыхъ сдѣлокъ, заключавшихся въ сѣверной Россіи, назначавшаяся въ нихъ сумма опредѣлялась въ пользу судьи, то и не было надобности замѣчать въ псковской грамматѣ объ этой суммѣ, что она слѣдуетъ именно въ пользу князя.

Псковская граммата оканчивается означеніемъ писца: «а псалъ Довмонтовъ писецъ.» Въ новгородской грамматѣ писецъ не замѣченъ, потому что означеніе его не было существенно необходимо; но въ другихъ новгородскихъ мировыхъ записяхъ онъ означенъ, именно въ гр. V: «а рядную псалъ грамоту Григорій

дьякъ Святаго Михаила,» и въ гр. vi: «а писалъ грамоту Самыла дьякъ.»

Наконецъ къ псковской грамматѣ привѣшена печать князя Тимоѳея (Довмонта). У новгородской грамматы также была печать, какъ замѣчено въ ней самой; равно были печати и при другихъ новгородскихъ мировыхъ грамматахъ, какъ то: при грам. i, iii, iv, v, vi. О значенiи печатей, привѣшивавшихся или прикладывавшихся къ грамматамъ въ древнiя времена, ср. въ моей Исторiи россiйскихъ гражданскихъ законовъ т. ii, с. 50—51 и с. 54—55. По отношенiю къ грамматѣ псковской я полагаю, что привѣска къ ней печати (а слѣдовательно и подпись грамматы княжескимъ писцемъ) имѣла оффицiальное значенiе, такъ какъ къ грамматѣ привѣшена была именно княжеская печать. Ср. Псков. судн. грам., изд. Мурзакевичемъ, с. 9: «а княжей писецъ взъметъ по силѣ истьцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной. А захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у Святѣй Тройцы запечатать; въ томъ измѣны нѣтъ». А также с. 13: «А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имъ имати» (здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ для одного слова) «по денги. А толко княжой писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у Святѣй Тройцы запечатать; а въ томъ измѣны нѣтъ.»

И такъ, для меня по крайней мѣрѣ, несомнительно, что псковская грамматa принадлежитъ къ рязряду ми-

ровыхъ граммать, къ тому разряду, который отпечатанъ въ Акт. Юрид. подъ № 257.

Это заключеніе совершенно не зависитъ отъ вопроса, что именно было предметомъ спора между Якимомъ и Тѣшатою, и на какихъ условіяхъ они помирились между собою. Я думаю впрочемъ, что ни чѣмъ нельзя строго доказать, что споръ возникъ изъ какого-нибудь брачнаго договора; думаю, что предметъ сдѣлки не есть плата за невѣсту. Приступая къ объясненію частностей сдѣлки, я слѣдую за словами грамматы съ низу въ-верхъ.

На существо мировой сдѣлки, заключенной между Якимомъ и Тѣшатой, мнѣ кажется, находится ясное указаніе въ самой грамматѣ, именно въ словахъ: «рощетъ учинила промежи себе.» Предметъ мировой сдѣлки между Якимомъ и Тѣшатой есть расчетъ между ними. Всякій расчетъ предполагаетъ или требованія и долги съ обѣихъ сторонъ, или требованія съ одной и долги съ другой; онъ оканчивается, если сторона, остающаяся чѣмъ-нибудь должною другой по взаимнымъ счетамъ, уплачиваетъ ей свой долгъ.

Дѣйствительно, таково существо разсматриваемой сдѣлки. Въ грамматѣ пишется: «на дѣвцѣ Якымъ серебро взялъ; а мониста Тѣшатина у Якымовы жены свободна Тѣшатѣ взяти.» Вмѣсто точки между обоими предложеніями я ставлю точку съ запятою. Оба предложенія находятся во взаимной связи, и одно есть послѣдствіе другаго: Якимъ получилъ свое серебро (или свои деньги) за дѣвку или съ дѣвки (пока я не останавливаюсь на этомъ различіи); послѣ сего Тѣшата свободно можетъ взять свою монисту (ожерелье) у Тѣшатиной жены. Связь между двумя предложеніями та, что Тѣшата за какую-то дѣвку, или сама эта

дѣвка были должны извѣстною суммою денегъ Якиму или его женѣ, что у Якимовой жены въ рукахъ находилась мониста Тѣшатина, которая не была выдаваема Тѣшатѣ, пока онъ не уплатитъ долга Якиму; какъ скоро долгъ Тѣшатою Якиму выплаченъ, то первому предоставлено право получить свою монисту безпрепятственно отъ жены послѣдняго. И такъ мониста Тѣшаты была удерживаема у него, какъ обезпеченіе долга, слѣдовавшаго отъ него за дѣвку или съ дѣвки, въ которой онъ принималъ участіе, самому Якиму или женѣ его. Все это мнѣ кажется ясно. Слѣдовательно, между Тѣшатою и Якимомъ, или даже между дѣвкою одного и женою другаго, существовало денежное обязательство. Можетъ быть, оно основывалось именно на займѣ, въ обезпеченіе котораго со стороны Тѣшаты или дѣвки его была дана подъ закладъ Якиму или женѣ его мониста Тѣшатина. Но могло случиться и то, что мониста Тѣшатина уже какимъ-нибудь образомъ находилась въ рукахъ Якимовой жены; потомъ открылся долгъ Якима или жены его на Тѣшатѣ, или на его дѣвкѣ, и до расплаты по этому долгу мониста не была выдаваема Тѣшатѣ. И такъ въ грамматѣ мировой выражается, что Якимъ получилъ наконецъ свое серебро.

Но что же значитъ сдѣланное въ грамматѣ прибавленіе: «на дѣвцѣ»? Я совершенно согласенъ, что предлогъ на употреблялся у насъ и отчасти теперь употребляется съ мѣстнымъ падежемъ въ томъ же значеніи, какъ и предлогъ за съ падежемъ винительнымъ: на комъ = за кого, на чемъ = за что. Въ купчихъ, отпечатанныхъ въ Акт. Юрид. подъ № 71—98, онъ постоянно употребляется въ этомъ значеніи, соединяясь въ одныхъ (именно въ № 71—80,

83) съ глаголомъ дать, въ другихъ (именно въ № 81, 82, 84—98) съ глаголомъ взять. Но вамъ очень хорошо извѣстно сочетаніе предлога на съ мѣстнымъ падежемъ и въ другомъ значеніи, именно: взять деньги на комъ-нибудь значило взять деньги съ кого-либо. Въ этомъ значеніи и сочетаніи предлогъ на постоянно употребляется въ Акт. Юрид. № 411, 412, 415—421, 423—427; напр. «взяти ми на Ѳомкѣ на Глоткинѣ рубль, по кабалѣ» и проч., или: «пишу сію духовную своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ, кому ми что дати, на комъ ми что взяти.» Въ псковской судной граммагѣ, изданной Мурзакевичемъ, употребляется тоже сочетаніе предлога на съ мѣстнымъ падежемъ и въ томъ же значеніи. Здѣсь читаемъ на с. 12: «государю покрута имать на изорники» (на изорникѣ); на с. 15: «князю на головникохъ взять рубль продажи.» И такъ взять серебро на дѣвкѣ можетъ значить или взять серебро за дѣвку, или взять серебро съ дѣвки. Одинъ смыслъ въ грамматическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ столько же будетъ правиленъ, сколько и другой. Который же вѣроятнѣе?

Рѣшить этотъ вопросъ, можно до нѣкоторой степени, опредѣливши, о какой дѣвкѣ говорится въ граммагѣ? Я не отвергаю, что слово дѣвка можетъ значить невѣсту, когда невѣста есть именно дѣвица, хотя и не считаю оба имени синонимическими, потому-что невѣста можетъ быть и не дѣвица, а вдова, или разведенная съ своимъ прежнимъ мужемъ. Но то же слово дѣвка употреблялось и теперь употребляется у насъ въ различныхъ значеніяхъ, именно: въ значеніи дѣвицы-рабы или крѣпостной, въ значеніи дѣвицы-служанки, въ значеніи дѣвицы-наложницы, въ значе-

нiи дѣвицы-непотребной женщины. Для третьяго значенiя я могу указать на извѣстный разсказъ Ибнъ-Фодлана о Руссахъ, торговавшихъ при устьяхъ Волги, и возившихъ съ собою дѣвушекъ. Какъ въ самой грамматѣ личность дѣвки съ точностiю не означена, потому-что она означалась точнѣе самыми обстоятельствами спора между Якимомъ и Тѣшатой; то я и не думаю, чтобы значенiе невѣсты слѣдовало предпочесть въ настоящемъ случаѣ всѣмъ другимъ значенiямъ. Особенно, если вы хотите въ грамматѣ видѣть указанiе на плату за невѣсту, какъ за дочь или родственницу Якима, которую онъ выдавалъ замужъ—можетъ быть, за самаго Тѣшату, то въ моей Исторiи россiйскихъ гражданскихъ законовъ т. I., с. 133—134, я показалъ, что мѣста лѣтописей, на которыя вы ссылаетесь, могутъ быть понимаемы совершенно въ другомъ смыслѣ; въ позднѣйшихъ памятникахъ о подобной платѣ за невѣстъ еще менѣе слышно. Но и кромѣ того, если здѣсь непремѣнно надобно видѣть плату за какую-то дѣвку, эта дѣвка очень легко могла быть раба, и при-томъ именно купленная Тѣшатой у жены Якима, которой въ обезпеченiе платежа, такъ какъ слѣдовавшая сумма не была тотчасъ, при самой покупкѣ, уплачена, дана была мониста. Впрочемъ, нѣтъ никакой особенной причины предполагать въ настоящемъ случаѣ плату за дѣвку. Просто, непринужденно все объясняется, если мы примемъ, что выраженiе грамматы: взялъ серебро на дѣвцѣ, значитъ: получилъ серебро съ дѣвки. У Тѣшаты была дѣвушка, въ которой онъ (не говоря объ немъ дурнаго слова) принималъ участiе. Какъ между Тѣшатой и Якимомъ, такъ между этой дѣвушкой и женой Якима были свои счеты, по которымъ въ руки послѣдней пере-

шла мониста Тѣшаты. При окончательномъ расчетѣ между Тѣшатой и Якимомъ было предъявлено въ счетѣ послѣдняго и требованіе его жены противъ дѣвушки Тѣшатиной; хотя Тѣшата по своимъ собственнымъ долгамъ расчитался съ Якимомъ, однакожъ мониста его была удерживаема женою Якимовой, пока не будетъ ей уплаченъ долгъ, слѣдующій ей съ его дѣвушки, такъ какъ онъ по своимъ отношеніямъ къ этой дѣвушкѣ не могъ не принять на себя за нее отвѣтственности. Тѣшата долженъ былъ наконецъ уступить. Въ грамматѣ выражено, что Якимъ, который дѣйствовалъ въ настоящемъ случаѣ не только отъ себя, но и отъ имени своей жены, получилъ серебро съ дѣвушки Тѣшаты, и что послѣ сего Тѣшата свободно можетъ получить свою монисту отъ Якимовой жены.

Понимая такъ, какъ изложено мною, существо сдѣлки между Якимомъ и Тѣшатой, я нахожу возможнымъ въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ опредѣлить и смыслъ начальныхъ словъ ея: «складьство первое и задьнее.» Слово складьство, мнѣ кажется, могло бы въ настоящемъ случаѣ значить предъявленіе спора и самый споръ. Для этого значенія можно принятъ въ соображеніе, что грамматы, которыми объявлялась война, назывались у насъ складными грамматами*. Это названіе происходитъ отъ выраженія «сложить крестное цѣлованіе»**. Объявившій войну непріятелю

* Соф. Врем. по изд. Строева, ч. II, с. 120; г. 6979: «въ той часъ» (великій князь Иванъ Васильевичъ) «посла къ нимъ» (къ Новгородцамъ) «грамоту складную».

** Новг. 1-я Лѣтоп., с. 98. г.; 6905: (князь великій Василій Дмитріевичъ) «къ Новугороду съ себе цѣлованіе

слагалъ съ себя въ отношеніи къ нему крестное цѣлованіе. Еще ближе, можетъ быть, сюда относятся выраженія: складывать съѣздъ *, положить срокъ **, положить грамматы и вообще доказательства ***. Но еще болѣе соотвѣтствуетъ содержанію разсматриваемой псковской грамматы другое значеніе, которое также можно искать въ словѣ: складьство; это—значеніе счета. Считать значитъ складывать, слагать. Счетъ составляется посредствомъ складыванія разныхъ суммъ. При каждомъ изъ предложенныхъ значеній слова складьство, можно дать слову задьній, весьма естественный и простый смыслъ. Задьній значитъ оборотный, обратный; говорится: задьняя сторона вещи, т. е. оборотная. Латинское retro значитъ назадъ и обратно; нѣмецкая образовательная частица rück—также (Rückgang, Rückkauf и проч.). При такомъ смыслѣ слова задьній, задьнее складьство, разумѣя подъ складьствомъ споръ, означало бы обратный искъ отвѣтчика противъ истца по поводу его (первоначальнаго) иска, т. е. такъ называемый встрѣчный искъ; а разумѣя подъ складьствомъ счетъ, задьнее складьство означало бы обратный счетъ другой

сложилъ и крестную грамоту скинулъ, а новгородцы съ себе цѣлованіе сложили и грамоту крестную великому князю скинули».

* Псков. 1-я Лѣтоп., с. 246; г. 6981: «и Псковъ ихъ съ обидными людьми пріялъ въ серебрѣ, что князь местеръ съѣзды складаетъ, а на съѣздъ ни самъ не ѣдетъ, ни людей своихъ посылаетъ, а исправѣ не даетъ.»

** Псков. 1-я Лѣтоп., с. 234; г. 6978; с. 247, г. 6981.

*** Псков. судн. гр., изд. Мурзакевичемъ, с. 12 (къ концу), 16.

стороны, представленный на первую сторону по представленіи ею своего (первоначальнаго) счета. Какъ въ грамматѣ прямо говорится, что Якимъ и Тѣшата сдѣлкою своею учинили расчетъ между собою, то я принимаю за вѣроятнѣйшее, что подъ словомъ складьство разумѣется именно счетъ, подъ первымъ складьствомъ — счетъ, который былъ прежде другаго представленъ, наконецъ подъ задьнимъ складьствомъ—обратный счетъ другой стороны на первую.

Такимъ образомъ смыслъ грамматы и переводъ ея на нынѣшній русскій языкъ былъ бы слѣдующій:

«Тѣшата съ Якимомъ заключили мировую сдѣлку «по первому и по обратному счету. Якимъ получилъ «серебро съ дѣвки; Тѣшата можетъ послѣ сего свободно «взять свою монисту у Якимовой жены. Тѣмъ конченъ »расчетъ между Якимомъ и Тѣшатой; болѣе ни «Якимъ не долженъ ничего требовать отъ Тѣшаты, ни «Тѣшата отъ Якима. Свидѣтелями этого были: попъ «Давидъ, Домославъ Дорожка, Боянъ Вѣкошкинъ, «Кузма Лойковичь, Жидило Жихновичь, Иванъ Смольнянинъ. Кто нарушитъ эту мировую сдѣлку, Якимъ ли, «Тѣшата ли, тотъ заплатитъ» (князю) сто гривенъ серебра. Писалъ Довмонтовъ писецъ» (конечно, въ смыслѣ княжескаго дьяка).

Въ заключеніе считаю еще не безполезнымъ обратить вниманіе на употребленныя у васъ выраженія о договорныхъ грамматахъ смоленскаго князя Мстислава Давидовича. Вы называете ихъ противнями и относите къ 1228—1229, или къ одному 1229 году.

Вы, конечно, разумѣете здѣсь слѣдующія двѣ извѣстныя грамматы: одна отпечатана въ первый разъ въ Собр. Гос. грам. и дог. Румянц., ч. II, № 1, и начинается такъ: «что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, то

отъиде то по вѣрьмьнемь». Другая, по списку графа Мусина-Пушкина, напечатана первоначально въ Ист. Гос. Росс. Карамзина т. III примѣч. 248, потомъ по тому же списку (я не говорю о варіантахъ) въ Русск. Достоп. ч. II, и наконецъ по списку, снятому съ подлинника, хранящагося въ архивѣ рижскаго магистрата, Тобиномъ въ сочиненіи: Sammlung der kritisch-bearbeiteten Quellen der Geschichte des russischen Rechts. B. I. Tractate. Она начинается такъ: «что ся въ которое вѣремя нячнеть дѣяти, то утвържаютъ грамотою». Не буду здѣсь доказывать, что эти два документа не суть два противня одной грамматы: иначе мое письмо, и безъ того уже весьма длинное, чрезвычайно распространилось бы; при томъ же, этотъ предметъ достаточно, хотя и не вполнѣ, уясненъ Тобиномъ въ поименованномъ сейчасъ сочиненіи. Я остановлюсь только на времени совершенія обоихъ документовъ. У Карамзина, которому извѣстна была только вторая граммата, и при-томъ по списку графа Мусина-Пушкина, она относится къ 1228 году. Въ Собр. Гос. грам. и дог. Румянц., гдѣ напечатана первая граммата, она отнесена къ 1229 году. Дубенскій, издавшій вторую граммату по списку гр. Мусина-Пушкина въ Русск. Достоп. ч. II, относитъ ее къ 1230 году. Тобинъ доказывалъ, что первая граммата писана въ 1228 году, а вторая въ 1229 году. Калачевъ, въ сочиненіи: Изслѣдованія о Русской Правдѣ, ч. I с. 155—156, опровергалъ Тобина, но не довольно рѣшительно. И такъ не ужели нельзя съ точностью и окончательно опредѣлить время совершенія грамматъ Мстислава Давидовича?

Причиною разныхъ мнѣній было означеніе времени, находящееся въ самыхъ грамматахъ, на концѣ; но

это же означеніе, въ соображеніи еще съ третьею грамматою, рѣшаетъ, какъ я думаю, вопросъ окончательно.

Въ первой грамматѣ пишется: «коли ся грамота псана, ишлъ былъ отъ Ржтва Гня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подъ пискупомъ Ризкимъ, провстъ Іаганъ, мастьръ Вълквенъ» и проч. Должно ли здѣсь разумѣть окончившійся, или еще продолжающійся 1228 годъ отъ Р. Х.? Тѣ, которые разумѣли здѣсь еще продолжающійся годъ отъ Р. Х., относили граммату къ 1228 году. Но мнѣніе, что приведенными словами означается 1228 годъ отъ Р. Х., еще продолжающійся, а не истекшій, рѣшительно опровергается подобными словами грамматы смоленскаго князя Θедора Ростиславича къ рижскому епископу, мейстеру и ратманамъ, 1284 года: * « си же грамота псана бысть, ищьло было отъ Ржства Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ и осмьдесятъ летъ и три лѣта, въ четвертое лето, на възнесенье Господне.» И такъ и въ первой грамматѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича должно разумѣть 1228 годъ исполнившійся, а не продолжающійся, т. е. эта граммата писана въ 1229 году.

Такимъ же образомъ поводомъ относить вторую грамоту къ 1229 году было несправедливое толкованіе находящагося въ ней самой означенія времени. Въ концѣ ея пишется: «а си грамота написана бы отъ распятья было 1000 лѣ и 200 лѣ и 30 лѣ безъ лета.» Но какъ въ первой грамматѣ должно разумѣть 1228 годъ истекшій, а не продолжающійся, такъ и въ этой второй грамматѣ, принимая, что въ ней выраженіе:

---

* Собр. Румян., ч. II, с. 6.

отъ распятья, употреблено вмѣсто выраженія: отъ Рождества Христова, должно разумѣть 1229 годъ не продолжающійся, а истекшій, т. е. эта вторая граммата писана въ 1230 году отъ Р. Х. Что касается выраженія «отъ распятья», употребленнаго, какъ всѣ полагали, вмѣсто выраженія «отъ Рождества Господня», должно замѣтить, что какъ внутри Россіи въ среднихъ вѣкахъ годы были считаемы отъ сотворенія міра, а не отъ Рождества или отъ Распятія Господня, то если въ гpамматахъ Мстиславовыхъ счисленіе лѣтъ ведется отъ Рождества или отъ Распятія Господня, это было счисленіе не русское, а переведенное съ того языка, на которомъ первоначально могли быть писаны проекты обѣихъ граммать, т. е. съ латинскаго, и соотвѣтствовали выраженіямъ: a nativitate Domini, или a passione, а можетъ-быть даже a trabeatione. Въ гpамматахъ, писанныхъ по-латыни въ среднихъ вѣкахъ, годъ отъ страданія Господня (a passione) былъ иногда полагаемъ, по смѣшенію понятій, вмѣсто года отъ Рождества Христова (ab incarnatione Domini). Но если во второй гpамматѣ Мстислава, по первоначальному ея проекту, годъ совершенія былъ означенъ a trabeatione, то это слово по ошибкѣ могло быть переведено неправильно: «отъ распятія», вмѣсто того, чтобы перевесть его: «отъ воплощенія». Даже новѣйшіе писатели употребляемый иногда въ латинскихъ граммахтахъ среднихъ вѣковъ annus trabeationis объясняли, какъ annus, quo Christus trabi affixus. Но годъ, такимъ образомъ означенный, дѣйствительно означаетъ годъ отъ воплощенія Господня, при чемъ слово trabeatio должно быть производимо не отъ trabs въ смыслѣ креста, но отъ trabea (особенный видъ тоги) въ смыслѣ одежды. Въ этомъ смыслѣ Фульгенцій въ проповѣди

о Св. Стефанѣ говоритъ: Heri enim Rex noster trabea carnis indutus est, т, е. incarnatus или natus. *

Примитѣ увѣреніе и пр.

К. Неволинъ.

Приписка И. И. Срезневскаго. Принимая съ признательностью ученыя замѣчанія К. А. Неволина, я надѣюсь воспользоваться ими въ дальнѣйшемъ своемъ трудѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяю себѣ предполагать, что и другіе любители отечественныхъ древностей примутъ участіе въ разборѣ памятника, подавшаго ученому историку русскаго права поводъ высказать столько любопытныхъ сближеній.

И. Срезневскій.

---

* См. Du Cangii Glossarium mediæ et infimæ Latinitatis, ed. Henschel, t. I, (Parisiis, 1840) p. 269, v. annus, et t. VI (Parisiis, 1846) p. 624, v. trabeatio.

